

DOI: 10.31696/S086919080039429-8

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ САХАЛИНА В 1850-х ГОДАХ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

© 2026

А.Ю. ПЕТРОВ ^a, А.О. САПРЫКИНА ^b^{a, b} – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия^a – Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1688-4096; alaska13@yandex.ru

^b – Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия

ORCID: 0009-0008-6166-4034; keide@yandex.ru

Резюме: В статье исследуется ключевой этап эволюции российско-японских отношений во второй половине XIX века, проходивший в условиях активной колониальной экспансии западных держав на Тихом океане. Речь идёт, прежде всего, о политике США и ведущих европейских империй, которые стремились к проникновению в регион. Их растущее влияние создавало новый геополитический контекст, требовавший пересмотра изоляционистских стратегий. Эта динамика привела к более агрессивной политике Японии по отношению к близлежащим территориям и Сахалину. Россия адаптировала свою внешнеполитическую стратегию, взяв курс на активизацию дипломатических усилий на Дальнем Востоке. Это выразилось не только в усилении военного присутствия, но и в интенсификации двусторонних контактов для поиска компромиссов. Исследование фокусируется на изучении разграничения территорий Японии и России, где Сахалин стал камнем преткновения сторон. Уже в Симодском трактате 1855 г. отмечалось, что граница пройдет между островами Итуруп и Уруп, оставив статус Сахалина неразделённым. Такая двусмысленность позволяла обеим сторонам не связывать себя обязательствами, оставляя пространство для дипломатического маневра. Однако на практике совместное владение порождало конфликты: японские власти усиливали административное присутствие на юге, а Россия основывала военные посты и проводила научные экспедиции. Последующее приобретение Россией Приамурья в 1858 г. обострило сахалинский вопрос, сделав его центральной темой двусторонних отношений. Особую научную ценность работе придаёт привлечение редких японских источников и новых архивных материалов из Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), позволяющих дать более детальную и объёмную реконструкцию переговорных процессов, скрытых мотивов сторон и влияния международного контекста. Введение в научный оборот этих документов позволяет по-новому взглянуть на механизмы принятия решений и показать, как локальные интересы на Сахалине переплетались с глобальной политикой в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Сахалин, Япония, российско-японские отношения, Временные правила относительно острова Сахалин, Азиатско-Тихоокеанский регион, борьба за колонии, Симодский трактат

¹ Данная статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043-П «Борьба за колонии на Севере Тихого океана в XVIII–первой половине XIX вв.» в Институте всеобщей истории Российской Академии Наук. <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>

Для цитирования: Петров А.Ю., Сапрыкина А.О. Японская политика в отношении Сахалина в 1850-х годах в контексте русско-японских отношений. *Восток (Oriens)*. 2026. № 5. С. 220–231. DOI: 10.31696/S086919080039429-8

JAPANESE POLICY ON SAKHALIN IN THE 1850s IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS²

© 2026

Aleksandr Yu. PETROV ^a, Anastasiya O. SAPRYKINA ^b

^a – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1688-4096; alaska13@yandex.ru

^b – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia
ORCID: 0009-0008-6166-4034; keide@yandex.ru

Abstract: This article examines a crucial stage in the evolution of Russian-Japanese relations during the second half of the 19th century, a period marked by active colonial expansion by Western powers in the Pacific Ocean, primarily the policies of the USA and leading European empires seeking to penetrate the region. This dynamic contributed to a more assertive Japanese policy towards adjacent territories, particularly Sakhalin. Japan's growing interest in the island was driven by both strategic considerations and the desire to protect its northern frontiers from foreign encroachment. In response, Russia adapted its foreign policy strategy, opting to intensify its diplomatic efforts in the Far East. This was expressed not only in a strengthened military presence but also in increased bilateral contacts aimed at finding compromises. The study focuses on the delimitation of Russian and Japanese territories, where Sakhalin emerged as a major stumbling block. The Treaty of Shimoda (1855) stipulated that the border would run between the islands of Iturup and Urup, while deliberately leaving Sakhalin under joint possession without clear division. This deliberate ambiguity allowed both parties to avoid binding commitments. The academic value of this work is enhanced by its use of rare Japanese sources and new archival materials from the Russian State Archive of the Navy (RGAVMF). These documents enable a more detailed and comprehensive reconstruction of the negotiation processes, the hidden motives of the parties involved, and the influence of the international context, revealing how the Sakhalin question became inextricably linked to broader geopolitical rivalries in Northeast Asia.

Keywords: Sakhalin, Japan, Russo-Japanese relations, Provisional Treaty of Karafuto Island, Asia-Pacific region, struggle for colonies, Treaty of Shimoda

For citation: Petrov A.Yu., Saprykina A.O. Japanese Policy on Sakhalin in the 1850s in the Context of Russian-Japanese Relations. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 5. Pp. 220–231. DOI: 10.31696/S086919080039429-8

В современных условиях, характеризующихся активизацией российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе и необходимостью отстаивания национальных территориальных интересов, проблема русско-японских отношений приобретает особую научно-

² This article was prepared at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00043-P, "Struggle for colonies in the North Pacific in the 18th–first half of the 19th centuries at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences". <https://rscf.ru/project/22-18-00043/>

политическую актуальность. При этом в ряде зарубежных исследований прослеживается тенденция к односторонней, преимущественно негативной интерпретации российской внешней политики, что обуславливает необходимость объективного исторического анализа всего спектра двусторонних отношений – как периодов конструктивного взаимодействия, так и этапов напряжённости.

Ключевое значение для понимания эволюции российско-японского диалога имеет период 1850-х гг., когда японцы усиливали свое давление для того, чтобы закрепить Сахалин за собой, а российские дипломаты и государственные деятели последовательно отстаивали национальные интересы в условиях сложной геополитической конъюнктуры.

Несмотря на наличие исследований по данной теме в отечественной историографии (в частности, работы Э.Я. Файнберг, К.Е. Черевко и Е.А. Сысоевой, И.А. Сенченко и др. [Файнберг, 1960; Черевко, 1999; Сысоева, 2004]), их источниковая база характеризуется ограниченным привлечением японских материалов и материалов отечественных архивов, особенно РГАВМФ.

Ограниченный объём статьи позволяет лишь кратко коснуться источниковедческого анализа, однако следует подчеркнуть, что проведённое исследование опирается на широкий круг источников. В статье использовались документы на японском языке из электронных хранилищ Японии, таких как архив Министерства иностранных дел Японии, Библиотека префектуры Вакаяма, электронный архив исторических документов NDL, представляющие собой официальные отчёты, дипломатическую переписку и периодические издания эпохи, что позволило сопоставить внешнюю перспективу с данными отечественных архивов. Среди работ японских авторов нами использовались как классические труды по истории японо-российских отношений (Сигэтада Манабэ [Манабэ, 1978]), так и современные исследования, основанные на архивных документах. В частности, важное значение имеет монография Тосиюки Акидзуки «Японо-российские отношения и Сахалин» (1994), в которой детально рассмотрена эволюция статуса острова в период с конца эпохи Эдо до начала Мэйдзи [Акидзуки, 1994]. В другой своей работе (1993) тот же автор на основе российских источников середины XIX века проанализировал положение японского и айнского населения на Сахалине, а также проблематику совместного проживания японцев и русских на острове в начале эпохи Мэйдзи [Акидзуки, 1993]. Работа Эномори Сусуму (2014) позволила уточнить действия японской стороны после подписания «Японо-российского договора о дружбе» (1855) [Эномори Сусуму, 2014], а исследование Синъити Фумото [Фумото, 2006] дало представление о взаимосвязи между формированием правительства Мэйдзи и сахалинской политикой России. Значительную часть источниковой базы составили опубликованные официальные документы, в том числе текст «Японо-российского договора о дружбе» (1855), «Временные правила относительно острова Сахалин» (1867), а также раздел, посвящённый сахалинскому вопросу, в официальных «Документах японской дипломатии» [*Нихон гайко: бунсё*, 1870]. Кроме того, были привлечены такие исторические материалы, как записи Дэндзюро Мацуда «Беседы о северных варварах» и созданный в результате правительственной экспедиции «Историко-географический атлас Хоккайдо» Тэтавакэ Мэгата, которые помогают понять восприятие северных территорий в Японии в указанный период.

Наряду с этим привлечены архивные документы РГА ВМФ (фонды № 16 – «Канцелярия морского министерства» и № 410 – «Главный морской штаб»), а также материалы АВПРИ, дающие представление о межведомственном взаимодействии и внешнеполитическом контексте изучаемых событий. Особо отметим, что ряд документов РГА ВМФ впервые вводится в научный оборот – в частности, донесения, депеши и частные письма участников событий, проливающие свет на оперативные решения и личные оценки современников.

Комплексный подход к источникам, включая сопоставление японских и российских материалов, позволил выявить расхождения в интерпретации отдельных эпизодов, что усиливает заявленную новизну исследования и открывает перспективы для дальнейшей детализации проблематики в последующих работах.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы проанализировать эволюцию русско-японских отношений в 1850-х гг. сквозь призму «сахалинского вопроса», показать позицию японской стороны, выявить ключевые механизмы дипломатического урегулирования территориального спора. Новизна работы заключается в привлечении малоизученных и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов и источников на японском языке, не задействованных в предшествующих исследованиях³, что позволяет скорректировать устоявшиеся в отечественной историографии оценки и расширить анализ за счёт учёта внутренней политики Японии (Рестаурация Мэйдзи, административные преобразования) и внешнеполитических воздействий (поддержка Японии Великобританией и Францией, последствия Крымской войны для России). Выбранные хронологические рамки обусловлены событиями, связанными с Сахалином после заключения Симодского трактата. Методология, которая применяется в статье, опирается на комплексный историко-документальный анализ: сопоставление текстов международных соглашений (Симодский трактат 1855 г., «Временные правила относительно острова Сахалин» 1867 г. [*Капафутто: карикисоку*]), дипломатической переписки, отчётов российских и японских чиновников, а также материалов Русской Православной Церкви, чья миссионерская деятельность способствовала закреплению российского присутствия на Сахалине.

Дипломатическая миссия во главе с вице-адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным была направлена в Японию в 1852 г. с целью установления официальных отношений. В это время в 1853 г. был основан первый русский военный пост в заливе Анива (Муравьёвский): началось систематическое освоение Сахалина, и Россия утвердила на этом острове свои позиции [Акидзуки, 1994; Сенченко, 2005] (рис. 1)⁴. Переговоры же Путятина проходили в сложной международной обстановке, связанной с Крымской войной, в которой Россия противостояла коалиции в составе Великобритании, Франции и Османской империи. После прибытия в Японию миссия Путятина столкнулась со значительными трудностями, включая природные катаклизмы – землетрясение и цунами, которые повредили фрегат «Диана». Между тем Путятину удалось заключить договор с Японией. Симодский трактат, заключенный 26 января (7 февраля) 1855 г., стал первым дипломатическим соглашением между Россией и Японией. Данный документ не только установил правовые основы взаимоотношений между двумя странами, но и определил территориальное разграничение в регионе, создав предпосылки для дальнейшего развития русско-японских отношений.

Переговоры велись при посредничестве голландских переводчиков, поскольку ни одна из сторон не располагала квалифицированными специалистами по языку другой страны. После продолжительных обсуждений 26 января (7 февраля) 1855 г. в городе Симода договор был подписан Путятиным с российской стороны и представителем сёгуната Токугава Тосиакирой Кавадзи с японской стороны. Трактат состоял из 9 статей и устанавливал правовую основу для развития двусторонних отношений. В сёгунате Токугава существовала точка зрения о целесообразности укрепления союза с Россией в противовес западноевропейским державам и США [Neumann, 1963, p. 42].

³ Мы благодарны Такэси Мацумура, профессору факультета экономических наук университета Дайто Бунка в Токио (Япония), за предоставленные копии нужных нам материалов.

⁴ Рис. 1 и 2 см. на цветной вклейке.

Несмотря на то что Симодский трактат получил определённое освещение в историографии, мы стремимся рассмотреть его с позиций как японских, так и отечественных исследователей, чтобы сформулировать собственную оценку.

Симодский трактат определил статус острова Сахалин как неразделенной территории, находящейся в совместном владении России и Японии. Как отмечается в японской историографии, в договоре было установлено: 「カラフト島は日本国と魯西亜国の間において、界を分たず是迄仕来の通たるべし」 («Остров Карафу-то: [Сахалин] не разделяется границей между Японией и Россией и остается в совместном владении, как было до сих пор по обычаю») [*Нитиро васин дзё:яку уцуси*]. Данное решение было зафиксировано в статье 2 договора, которая устанавливала границу между государствами по проливу Фриза, разделяющему острова Итуруп и Уруп. Курильские острова к северу от Урупа признавались владениями России, острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи переходили под юрисдикцию Японии [Сапрыкина, 2023].

Для российской стороны формулировка о «неразделённости» Сахалина означала откладывание окончательного разграничения на будущее, открывая пространство для постепенного укрепления позиций на всём острове. В то же время японская сторона воспринимала эту норму как закрепление сложившегося к 1854–1855 гг. статус-кво, предполагавшее, что русские не будут продвигаться южнее уже существовавших японских поселений, особенно в заливе Анива. Японцы, опираясь на 2 статью Симодского трактата, начали заселять юг острова. Параллельно с этим процессом укреплялась и административная система на соседних территориях: в 1855 г. управление островом Эдзо (современный Хоккайдо) перешло под прямой контроль центрального правительства, что создавало инфраструктурную и логистическую базу для дальнейшей колонизации Сахалина.

В период позднего сёгуната Токугава (первая половина – середина XIX века) вопрос освоения северных территорий приобрёл особую актуальность на фоне усиления внешнеполитических вызовов, в т.ч. продвижения России на Дальнем Востоке. В рамках этой стратегии высокопоставленные чиновники сёгуната Хори Тосихиро и Мурагаки Норимаса, ответственные за освоение Эдзо, предприняли ряд конкретных мер по ускоренной колонизации региона.

Хори Тосихиро, занимавший ключевые посты в администрации Эдзо и обладавший значительным опытом в вопросах региональной политики, совместно с Мурагаки Норимаса инициировали пересмотр ограничительных норм, действовавших в отношении переселения на северные территории. Их усилия привели к снятию действовавшего запрета на переселение женщин и детей на Эдзо – мера, имевшая принципиальное значение для устойчивого демографического роста и формирования постоянных поселений. До этого ограничения препятствовали созданию полноценных семей и закреплению населения на новых землях.

Параллельно правительство сёгуната активизировало меры по укреплению обороноспособности. Токугава Нариаки, правитель княжества Мито и влиятельный политик, выступавший за усиление военной мощи Японии, настаивал на размещении постоянных военных гарнизонов вдоль предполагаемой русско-японской границы. Его позиция опиралась на анализ растущей активности русских экспедиций и поселений на Курильских островах и Сахалине. По инициативе Токугавы Нариаки в 1840-х гг. были развёрнуты мероприятия по организации военных постов и административных пунктов на юге Сахалина (южнее 48° с. ш.). Это привело к параллельному заселению южной части острова японскими подданными – в основном выходцами из княжеств региона Тохоку и Эдзо. На местах создавались опорные пункты, склады снабжения, рыболовные станции и наблюдательные посты, что позволяло: закрепить фактическое присутствие Японии на острове; наладить контроль над прибрежным промыслом и торговлей; обеспечить сбор разведывательной информа-

ции о действиях русских отрядов; создать условия для дальнейшего административного оформления территории.

Меры, предпринятые Хори Тосихиро, Мурагаки Норимасой и поддержанные Токугавой Нариаки, заложили институциональную и демографическую основу для интеграции Эдзо в состав централизованного японского государства, а также обозначили чёткую позицию Токио в отношении территориальной принадлежности Сахалина и Курильских островов. Эти шаги стали важной частью общей стратегии сёгуната по консолидации северных рубежей Японии в условиях нарастающего давления со стороны внешних держав в середине XIX века [РГАВМФ, ф. 16, оп. 1, д. 283, л. 4–14].

Реализация условий Симодского трактата проходила с определенными сложностями. Согласно договору, для русских судов открывались порты Хакодате, Нагасаки и Симода, где разрешались торговые сделки в ограниченных размерах и под присмотром японских чиновников. Россия получила право назначить консула в одном из открытых портов, что было реализовано в 1856 году, когда первым консулом в Хакодате был назначен И.А. Гошкевич. Территориальные положения трактата выполнялись обеими сторонами, хотя совместный статус Сахалина вызывал практические трудности. Русские продолжали осваивать остров, что периодически приводило к конфликтам и требовало дополнительных дипломатических усилий для их урегулирования. В 1856 г. был основан пост Дуэ у одноименного мыса на берегу Татарского пролива и начата эксплуатация Дуйского рудника [АВПРИ, ф. РАК, д. 391, л. 36–37], а в 1857 г. лейтенант Н.В. Рудановский основал пост Кусунайский на острове Сахалин у мыса Дуэ на берегу Татарского пролива.

Проблема Сахалина стала ключевым элементом русско-японских отношений, обусловленным трансформацией российской внешней политики после Крымской войны. Дипломатическая изоляция и проблемы с западноевропейскими странами способствовали тому, что Правительство Российской империи стало смещать приоритеты в сторону внутреннего развития и Дальнего Востока, где Сахалин, Приморский край, Курильские и Алеутские острова рассматривались как «дверь в океан» [Макарова, 1974]. При этом российская сторона учитывала специфику военной организации соседних государств: если в Китае система комплектования и управления армией была жестко централизована с концентрацией основных сил в столице, то в Японии войска дислоцировались по всей стране и находились в ведении местных властей, что создавало иную динамику региональной безопасности [Рябинин, 2025, с. 53]. Переговоры Е.В. Путятин стимулировали интерес российского общества к региону, отразившийся в публикациях «Морского сборника», «Современника» и «Отечественных записок», а «Северная пчела» настаивала на торговом соглашении с Японией и строительстве Амурской железной дороги.

В 1858 году вице-адмирал Е.В. Путятин вновь прибыл в Японию и 11 (23) августа подписал в Канагаве Дополнительный трактат к Симодскому договору 1855 года, который расширил возможности для российской торговли в открытых портах Японии (Хакодате, Нагасаки и Симода), предусмотрел право российских подданных свободно перемещаться в пределах поселений, разрешил учреждение российского консульства в одном из портов, установил режим наибольшего благоприятствования для российских купцов и зафиксировал фиксированные таможенные пошлины на уровне 5% от стоимости товара. Однако вопрос о статусе Сахалина оставался открытым и продолжал вызывать разногласия между двумя странами.

19 мая 1858 г. в докладной записке «Относительно разграничения острова Сахалин», представленной генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому, чиновник для особых поручений, полковник Н.В. Буссе сформулировал две главные цели России на Сахалине: освоение богатых каменноугольных копей острова и установление

такой границы между русскими и японскими заселениями, которая исключила бы возможность претензий со стороны иных держав на выгодные пункты между русскими и японскими владениями. В этой связи он предложил занять гавань в заливе Анива и провести границу по реке Кусунай до её истока и далее по хребту до залива Анива. Н.Н. Муравьев-Амурский настаивал на полном владении островом с сохранением японских рыболовных прав в заливе Анива, считая это необходимым для свободного плавания через пролив Лаперуза. Позиция Муравьева-Амурского получила поддержку царской семьи [Файнберг, 1960, с. 189]: Александр II разделял его позицию. 17 декабря 1858 г. он утвердил его полномочия вести переговоры о Сахалине, предписав избегать мер, истолковываемых как принуждение [РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1579, л. 183–192 об.].

12 июня 1859 года Муравьев-Амурский уведомил высокопоставленного представителя сёгуната Токугава Городзю о намерении прибыть в Эдо для переговоров. 5 августа в Эдоском заливе сосредоточилась русская эскадра из 9 паровых судов. На заседании 12 августа Муравьев-Амурский заявил о правах России на Сахалин, ссылаясь на тождество названия с рекой Амур (Сахалин ула), и предложил границу по проливу Лаперуза с сохранением японских промыслов на юге Сахалина. Эта инициатива была продиктована не только стратегическими соображениями (контроль над проливом как ключом к Амуру), но и осознанием того, что время работает на Россию. В условиях внутренней нестабильности в Японии, слабости бакуфу и зависимости Токио от советов западных дипломатов российская дипломатия стремилась к безболезненному, но окончательному решению «сахалинского вопроса». При этом, несмотря на военное превосходство, Россия, по оценке исследователя, демонстрировала сдержанность, полагаясь на «моральное преимущество» великой державы, что позволяло ей избегать открытого конфликта и вести переговоры с позиции силы, но без агрессии. Дипломатическая поездка Н.Н. Муравьева-Амурского проходила на фоне активности западных держав, прежде всего США, Великобритании и Франции, стремившихся закрепить в стратегически важных проливах (Лаперуза, Сангарский, Корейский, Цусимский) и получить от Японии в аренду территории Цусимы, порта Хакодате и залива Анива, что усиливало значение Сахалина как потенциальных «вторых Дарданелл». Японские уполномоченные под влиянием английского посланника Олькока и французского поверенного Белькура восприняли демонстрацию эскадры как давление и отклонили предложение, ссылаясь на 2 статью Симодского трактата и предлагая границу по 50° с. ш. Провал переговоров 18 октября 1859 г. объяснялся отсутствием международных актов, закрепляющих российские права на остров, ограниченными военно-морскими силами и отсутствием единой позиции внутри правительства [РГАВМФ, ф. 16, оп. 1, д. 48, л. 30–32].

Япония, в свою очередь, проводила политику укрепления своего присутствия на юге острова. Эта политика имела не только внешний, но и глубокий внутренний административный аспект. Японские власти предоставляли князьям права на рыбную ловлю с условием защиты территорий и запрещали айнам вступать в контакты с русскими. Как свидетельствуют документы сёгуната (например, записи чиновника Дэндзюро Мацуда в «Историях о северных варварах» [Мацуда, 1969]), еще в 1809 г. было официально приказано именовать Сахалин «Северная земля Эдзо» (北蝦夷地), тем самым подчёркивая принадлежность территории к японской сфере управления. Важно подчеркнуть, что термин «Северная земля Эдзо» отражал внутреннюю административную позицию Японии, но не имел международного юридического статуса. Данный топоним использовался в официальных бумагах вплоть до 1869 г., когда новое правительство Мэйдзи ввело более современное название 樺太 *карафу*. Этот терминологический сдвиг демонстрирует эволюцию японской политики – от внутривластной концепции «внешней периферии» к международно признаваемой территориальной единице. Одновременно началась поли-

тика японизации айнов (和風化), известная также как «вафу-ка»: их принуждали менять айнские имена на японские крестьянские (например, フマシネ Вомасинэ → 万平 Мамбэй), носить японские причёски (выбрасывать лоб и завязывать волосы в пучок). Так, традиционные вожди 乙名 *отона* были переименованы в 名主 *нануси* – деревенских старост, а старшие вожди 惣乙名 *со:отона* – в 庄屋 *сё:я* [Эномори, 2014]. Подобные меры были направлены не столько на культурную ассимиляцию саму по себе, сколько на юридическое включение айнов в феодальную систему подданства, что позволяло Японии обосновывать свои территориальные претензии как «управление собственными подданными». При анализе глубинных причин различий в политическом поведении сторон следует учитывать геополитический фактор. Как отмечают исследователи [Рябинин, 2025, с. 50], в истории Востока прослеживается закономерность: чем ближе государства находились к континентальному «кочевому поясу», протянувшемуся от Маньчжурии до Дуная, тем жестче были их режимы, тяготевшие к деспотии. Напротив, страны, изолированные от этого пояса (в частности, островные государства), развивались по модели, близкой к европейскому феодализму, с относительно слабым центральным аппаратом и сильным обществом. Экспансионистские устремления Японии, прослеживающиеся уже в этот период, не были случайными – они коренились в особенностях японской военно-политической традиции, сохранившей своё влияние и в последующие десятилетия [Попов, Казенков, 2023; Попов и др., 2023].

Зафиксированный в договоре компромиссный вариант относительно Сахалина отражал баланс интересов двух стран на момент его подписания. Если Россия была заинтересована в сохранении своего присутствия на всем острове, то Япония же, не имевшая в тот момент достаточного флота для эффективного контроля над территорией, стремилась закрепить свои права на юге Сахалина. Демилитаризованный статус неразделенного Сахалина позволял обеим сторонам продолжать освоение территории, откладывая окончательное решение вопроса о границе. Наглядным примером сосуществования двух государств на одной территории может стать иллюстрация из атласа 1859 г. (рис. 2) [Мэгата].

28 февраля 1861 г. Амурский комитет одобрил занятие южной оконечности острова, опираясь на формулировку Симодского трактата о неразделённости. Японское правительство, поощряемое западными державами, раздавало северным кланам (Акита, Сэндай, Сэнай, Айдзу) земельные участки на Эдзо и южном Сахалине. Параллельно велось научное изучение острова Сахалина: в 1861 г. экспедиция Русского географического общества под руководством начальника физического отдела Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества Ф.Б. Шмидта составила первую подробную карту данного острова.

22 сентября 1861 года Мурагаки Авадзи-но-ками – японский чиновник в ранге «дайкан» (высокопоставленный администратор сёгуната Токугава, ответственный за внешние сношения) – выдвинул предложение о разграничении Сахалина по 50-й параллели северной широты. Инициатива была официально направлена российской стороне и рассмотрена русским консулом И.А. Гошкевичем, который её отклонил, сочтя невыгодной для интересов Российской империи. 23 декабря 1861 года по итогам обсуждения вопроса Особый комитет, созданный для выработки позиции по сахалинской проблеме, утвердил альтернативный подход: добиваться полной уступки всего острова Сахалин под контроль России при условии сохранения японских поселений на его южной части; в качестве компенсационного предложения японской стороне был обозначен остров Уруп из группы Курильских островов. Данная позиция зафиксировала приоритет российских территориальных интересов в регионе при одновременном учёте необходимости минимизации дипломатического напряжения с Японией [РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 25321, л. 2–8].

Русская Православная Церковь сыграла существенную роль в закреплении Сахалина за Россией, действуя не через формальные правовые механизмы, а посредством духовного присутствия, миссионерской работы и утверждения российской идентичности на острове. Ключевым событием стало прибытие 17 июня 1861 года в пост Кусунай (ныне Ильинское) иеромонаха Николая (Касаткина) – будущего равноапостольного Николая Японского, основателя Православной церкви в Японии, – на пароходе «Америка». По приглашению местных жителей он совершил освящение здания военной казармы, что символически закрепило российское военное присутствие, благословил место под строительство часовни как будущего духовного центра, отслужил молебен о здравии и панихиду, включив территорию в православный литургический календарь. Эти действия демонстрировали не только религиозную, но и государственную принадлежность острова, поскольку церковь выступала проводником российской культуры и власти [Акимов, 2024]. В августе 1861 года на Сахалине побывал святитель Иннокентий (Вениаминов), оказавшийся там во время крушения клипера «Гайдамак», на котором он направлялся из Николаевска на Камчатку; проведя около двух недель в порту Дуэ, он заложил основы будущего миссионерского служения.

Таким образом, в 50-гг. XIX века российско-японские отношения характеризовались подписанием в 1855 году Симодского трактата, закрепившего Сахалин как неразделённую территорию в совместном владении. Однако баланс интересов быстро нарушился: обе стороны активно осваивали остров – основывали военные посты, разрабатывали угольные месторождения, переселяли колонистов, что порождало трения. Несмотря на первоначальные договоренности, японцы переходили к более агрессивной манере переговоров. Освоение Сахалина сопровождалось и деятельностью Русской Православной Церкви, укреплявшей российское присутствие на острове.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [AVPRI – Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

РАК – Российско-американская компания [RAC – Russian-American Company].

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского Флота [RGAVMF – Russian State Archive of the Navy].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

АВПРИ. Ф. РАК. Д. 391. Л. 36–37 [AVPRI. Fund RAC. Case 391. Pp. 36–37 (in Russian)].

Акидзуки Тосиюки (秋月俊幸). Мэйдзи сёнэн но Карафутто: Нитиро дзаккё о мэгуро сёмондай (Сахалин в начале эпохи Мэйдзи: проблемы, связанные с совместным проживанием японцев и русских; 明治初年の樺太: 日露雑居をめぐる諸問題). Сураву кэнкю: (Славянские исследования; スラヴ研究). Т. 40. Саппоро, 1993. С. 1–21 [Akizuki Toshiyuki. Meiji shonen no Karafuto: Nitiro zakkyo o meguru shomondai (Sakhalin in the Early Meiji Years: Various Problems Concerning Japanese-Russian Mixed Residence). *Surabu kenkyuu (Slavic Studies)*. Vol. 40. Sapporo, 1993. Pp. 1–21 (in Japanese)].

Акидзуки Тосиюки (秋月俊幸). *Нитиро канкэй то Карафутто*: (Японо-российские отношения и Сахалин; 日露関係とサハリン島). Токио: Тикума Сёбо, 1994 [Akizuki Toshiyuki. *Nitiro Kankei to Karafuto* (Japanese-Russian Relations and Sakhalin). Tokyo: Chikuma Shobo, 1994 (in Japanese)]. <https://dl.ndl.go.jp/pid/12721964> (accessed: 23.02.2026).

Акимов Ю.Г. «В каждом месте, где я останавливался, находил я православных людей»: отчет о миссионерской поездке иеромонаха Севастиана (Дабовича) по западу Северной Америки в 1892 г.

Американский ежегодник 2024. М.: Весь мир, 2024. С. 340–352 [Akimov Yu.G. “In Every Place Where I Stopped, I Found Orthodox People”: Report on the Missionary Trip of Hieromonk Sebastian (Dabovich) to the West of North America in 1892. *American Yearbook* 2024. Moscow: Ves Mir, 2024. Pp. 340–352 (in Russian)].

Карафутто: карикисоку (Временные правила относительно острова Сахалин; 樺太島仮規則). Сэкай то Нихон (Мир и Япония; 世界と日本). Сэйсаку кэнкю: дайгакуин дайгаку, Токио: дайгаку то:ё: бунка кэнкю;дзё (Университет политических исследований, Институт восточной культуры Токийского университета; 政策研究大学院大学・東京大学東洋文化研究所) [*Karafutoo Karikisoku* (Provisional Regulations Concerning Karafuto Island). Sekai to Nihon (World and Japan). National Graduate Institute for Policy Studies, Institute of Oriental Culture, University of Tokyo (in Japanese)]. <https://worldjpn.net/documents/texts/pw/18670330.T1J.html> (accessed: 23.02.2025).

Макарова Р.В. *Внешняя политика России на Дальнем Востоке: вт. пол. XVIII–60-е гг. XIX вв.* М.: Наука, 1974 [Makarova R.V. *Russian Foreign Policy in the Far East: Second Half of the 18th Century – 1860s*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Манабэ Сигэтада (真鍋重忠). *Нитиро канкэйси 1697–1875* (История японо-российских отношений в 1697–1875; 日露関係史 1697–1875). Токио: Ёсикава кобункан, 1978 [Manabe Shigetada. *Nitiro Kankeishi 1697–1875* (History of Japanese-Russian Relations 1697–1875). Tokyo: Yoshikawa Kobunkan, 1978 (in Japanese)].

Мацуда Дэндзюро (松田傳十郎). Хокуидан (Беседы о северных варварах; 北夷談). *Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй : дайёнкан* (Сборник материалов по жизни простых людей Японии: Т. 4); 日本庶民生活史料集成: 第四卷). Токио: Санъи сё:бо, 1969. С. 401–438 [Matsuda Denjuro. Hokuidan (Conversations about Northern Barbarians). *Nihon Shomin Seikatsu Shiryo: Shyu:sei : daiyonkan* (Collection of Historical Materials on the Life of the Common People of Japan: Vol. 4). Tokyo: San-I Shobo, 1969. Pp. 401–438 (in Japanese)].

Мэгата Тэвакэ (目賀田帯刀). Хоккайдо: рэкикан дзу (Историко-географический атлас Хоккайдо; 北海道歴史図). *Вакаяма кэнрицу тосёкан* (Библиотека префектуры Вакаяма; 和歌山県立図書館) [Megata Tatewake. Hokkaido Reikanzu (Historical and Geographical Atlas of Hokkaido). *Wakayama ken-ritsu toshokan* (Wakayama Prefectural Library) (in Japanese)]. <https://www.lib.wakayama-c.ed.jp/digitalarchive/cat86/cat91/> (accessed: 23.02.2026).

Нитиро васин дзё:яку уцуси (Договор о мире и дружбе; 日露和親条約写). *NDL Digital Collections*. [Nitiro Washin Joyaku Utsushi (Treaty of Peace and Amity). *NDL Digital Collections*. (in Japanese)]. <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/11125297> (accessed: 23.02.2026).

Нихон гайко: бунсё (Документы японской дипломатии; 日本外交文書). Токио: Гайму: сё: (Министерство иностранных дел; 外務省). Т. 4. Кн. 1. 1870 [*Nihon Gaiko Bunsho* (Documents on Japanese Foreign Policy). Tokyo: Gaimusho (Ministry of Foreign Affairs). Vol. 4. Book 1. 1870 (in Japanese)]. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/shiryo/archives/4.html> (accessed: 23.02.2026).

Попов Г.Г., Казенков О.Ю. Первый год Войны на Тихом океане. Перспективы сторон. *Восток (Oriens)*. 2023. № 5. С. 57–69 [Popov G.G., Kazenkov O.Y. The First Year of the Pacific War. Prospects of the Belligerents. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 5. Pp. 57–69 (in Russian)].

Попов Г.Г., Касахара К., Давыдов С.Г., Казенков О.Ю. Конфликт на Халхин-Голе и внешняя политика Японии в 1939 – начале 1941 гг. (обзор японской историографии). *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 181–192 [Popov G.G., Kasahara K., Davydov S.G., Kazenkov O.Y. The Khalkhin Gol Conflict and Japan's Foreign Policy in 1939 – Early 1941 (Review of Japanese Historiography). *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 181–192 (in Russian)].

РГАВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 48. Л. 30–32 [RGAVMF. Fund 16. Inv. 1. Case 48. Pp. 30–32 (in Russian)].

РГАВМФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 283. Л. 4–14 [RGAVMF. Fund 16. Inv. 1. Case 283. Pp. 4–14 (in Russian)].

РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1579. Л. 183–192 об. [RGAVMF. Fund 410. Inv. 2. Case 1579. Pp. 183–192 rev. (in Russian)].

РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 25321. Л. 2–8 [RGAVMF. Fund 410. Inv. 2. Case 25321. Pp. 2–8 (in Russian)].

Рябинин А.Л. Факторный анализ исторического развития стран Востока. Японский вариант. Часть 1. Создание в Японии государства «рицурё» и переход к политической системе феодализма. *Восток (Oriens)*. 2025. № 6. С. 48–60 [Ryabinin A.L. Factorial Analysis of the Historical Development of Eastern Countries. The Japanese Variant. Part 1. The Establishment of the “Ritsuryo” State in Japan and the Transition to Feudal Political System. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 48–60 (in Russian)].

Сапрыкина А.О. Сравнительный анализ текстов Симодского трактата 1855 года на русском и японском языке с точки зрения соответствия признаков прототипического концепта жанра «договор». *Вестник РГУ имени С.А. Есенина*. 2023. № 2 (79). С. 166–173 [Saprykina A.O. Comparative Analysis of the Russian and Japanese Texts of the Treaty of Shimoda (1855) and Correspondences between Properties of the Prototypical Concept of the Contract Genre. *The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin*. 2023. No. 2 (79). Pp. 166–173 (in Russian)].

Сенченко И.А. *История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII–XX веках*. М.: Экслибрис-Пресс, 2005 [Senchenko I.A. *History of Sakhalin and the Kuril Islands: On the Problem of Russian-Japanese Relations in the 17th–20th Centuries*. Moscow: Exlibris-Press, 2005 (in Russian)].

Сысоева Е.А. *Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855–1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора)*. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Владимир, 2004 [Sysoeva E.A. *Sakhalin and the Kuril Islands in Russian-Japanese Relations in 1855–1875 (from the Treaty of Shimoda to the Treaty of St. Petersburg)*. PhD Thesis. Vladimir, 2004 (in Russian)].

Файнберг Э.Я. *Русско-японские отношения в 1697–1875 гг.* М.: Издательство восточной литературы, 1960 [Faynberg E.Ya. *Russian-Japanese Relations in 1697–1875*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1960 (in Russian)].

Фумото Синъити (麓慎一). Исин сэйфу но сэрицу то Росиа но Сахарин то: сэйяку – Пуриамуру: тиики по мондай ни кан суру токубэцу сингикай по гидзироку о тю:син ни – (Становление правительства Мэйдзи и политика России в отношении острова Сахалин: по материалам протоколов Особого совещания по вопросам Приамурского края; 維新政府の成立とロシアのサハリン島政策—ブリアムール地域の問題に関する特別審議会の議事録を中心に—). *Нихон то Росиа но кэнкю:ся но мэ кара миру Сахалин・Карафутто: но рэкиси (I)* (История Сахалина/Карафутто с точки зрения японских и российских исследователей (I); 日本とロシアの研究者の目から見るサハリン・樺太の歴史 (I)). Хоккайдо: дайгаку сураву кэнкю: сэнта: (Славянский исследовательский центр Хоккайдского университета; 北海道大学スラブ研究センター), Т. 11. 2006. С. 1–20 [Fumoto Shinichi. *Ishin seifu no seiritsu to Roshia no Karafuto-to seiyaku – Puriamuru chiiki no mondai ni kansuru tokubetsu shingikai no gijiroku o chushin ni – (The Establishment of the Meiji Government and Russia's Policy toward Karafuto Island: Focusing on the Minutes of the Special Deliberative Council on Priamur Region Issues)*. *Nihon to Roshia no Kenkyusha no Me kara Miru Saharin-Karafuto no Rekishi (I)* (History of Sakhalin/Karafuto from the Perspective of Japanese and Russian Researchers (I)). Hokkaido Daigaku Suravu Kenkyu Senta (Hokkaido University Slavic Research Center). Vol. 11. 2006. Pp. 1–20 (in Japanese)].

Черевко К.Е. *Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века*. М.: Наука, 1999 [Cherevko K.E. *The Origin of Russian-Japanese Relations. 17th–19th Centuries*. Moscow: Nauka, 1999 (in Russian)].

Эномори Сусуму (榎森進). «Нитиро васин дзё:яку» тё:ин го но бакуфу но хокубо тиики сэйсаку ни цуйтэ (О политике сёгуната в отношении северных регионов после подписания «Японо-российского договора о дружбе»; {日露和親条約} 調印後の幕府の北方地域政策について). *Тохоку гакуин дай-гаку ронсю: Рэкиси то бунка (Сборник статей Университета Тохоку Гакуин: История и культура; 東北学院大学論集: 歴史と文化)*. № 52. Сэндай, 2014. С. 17–37 [Enomori Susumu. “Nichiro Washin Joyaku” Choin go no Bakufu no Hokubo Chiiki Seisaku ni Tsuite (On the Shogunate's Northern Region

Policy after the Signing of the “Treaty of Amity between Japan and Russia”). *Tohoku Gakuin Daigaku Ronshu: Rekishito Bunka (Tohoku Gakuin University Review: History and Culture)*. No. 52. Sendai, 2014. Pp. 17–37 (in Japanese)].

Neumann W.L. *America Encounters Japan: From Perry to MacArthur*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1963.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПЕТРОВ Александр Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия; профессор Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия.

Alexander Yu. PETROV, DSc (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

САПРЫКИНА Анастасия Олеговна – младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия; старший преподаватель кафедры восточных языков и методики их преподавания РГУ имени С.А. Есенина, Рязань, Россия.

Anastasiya O. SAPRYKINA, Junior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Senior Lecturer, Department of Oriental Languages and Methods of Teaching, Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia.

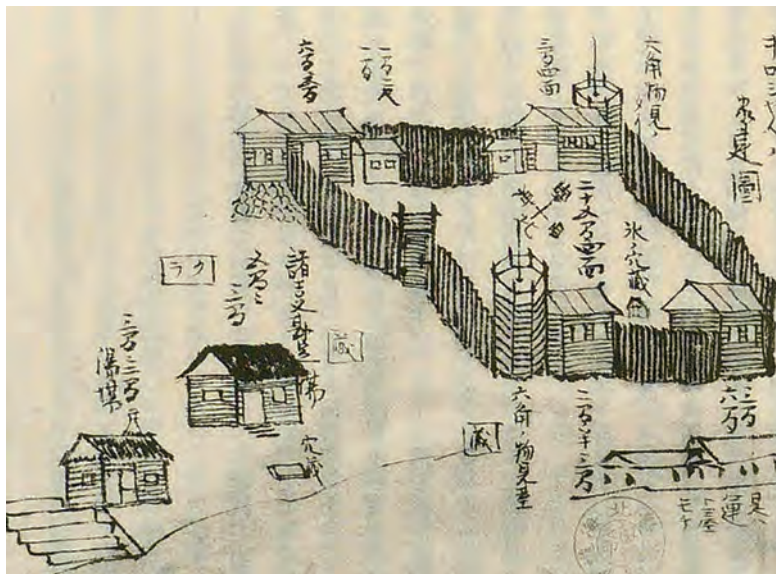

Рис. 1. Муравьевский пост.
Fig. 1. Muravyov Post.

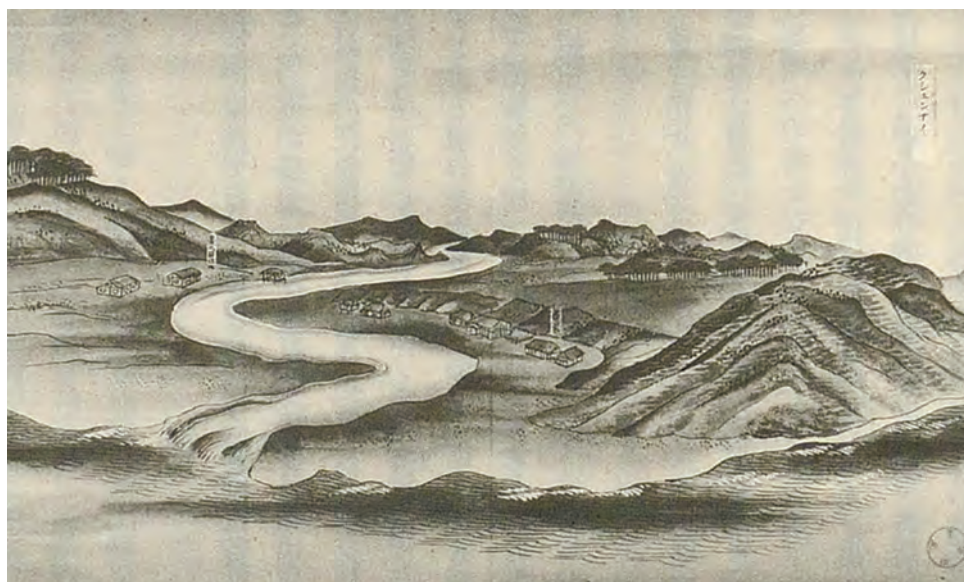

Рис. 2. Посты Японии и России, стоящие друг против друга по разные стороны реки Кусунай.
Fig. 2. Japanese and Russian posts facing each other across the Kushunnai River.